

У. К. Мусаева

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Обширную исследовательскую работу по изучению истории и этнографии крымских татар проводил Восточный музей в Ялте. Он располагался в здании, конфискованном у эмира Бухарского, построенном в восточном стиле. Временем основания музея формально является 1921 год, но музей еще два года находился в стадии организации и формирования экспозиции [1].

В связи с репрессиями, обрушившимися на крымскотатарский народ уже после закрытия музея в конце 1929 г. изъяты из архивов практически все документы (отчеты), касающиеся деятельности Восточного музея. Бесследно исчез и архив (документальные фонды) самого музея. Это явилось причиной практически полного отсутствия информации о его деятельности как в послевоенный период, так и в современной историографии. С 1995 г. проявился интерес к фигуре одного из директоров Восточного музея – Я. М. Якуб-Кемаля. В 1995 г. появилось небольшое сообщение А. В. Ефимова, посвященное его биографии, в материалах конференции «Проблемы межнациональных отношений в XX столетии» [2], которое в том же виде без изменений было опубликовано в 1996 г. в первом выпуске сборника «Проблемы политической истории Крыма». Желание А. В. Ефимова осветить основные вехи жизненного пути «одного из самых известных знатоков исламского вероучения в Крыму», к сожалению, соседствует с элементарным отсутствием опоры на источники, что привело автора к ряду грубых ошибок. Так, дата смерти Я. М. Якуба-Кемаля определена им как 1935 г., что не соответствует действительности. Полностью опустил А. В. Ефимов деятельность ученого как директора музея, ошибочно утверждая, что Я. М. Якуб-Кемаль возглавил его «после создания» [3]. Впервые научное освещение основных вех жизненного пути Я. М. Якуба-Кемаля представлено в ряде публикаций проф. Д. П. Урсу, который наравне с осколками местных материалов из Государственного архива в Автономной Республике Крым (далее: ГАРК) использовал документы архива СБУ в Автономной Республике Крым [4]. Д. П. Урсу впервые восстановил библиографию трудов ученого [5]. Систематизированные Д. П. Урсу библиографические данные легли в основу информации об ориенталисте, опубликованной в подготовленном в С.-Петербургском филиале Института востоковедения РАН библиографическом издании «Люди и судьбы» [6].

При полном отсутствии в историографии даже кратких обзоров деятельности Восточного музея важнейшими источниками для восстановления его работы в области изучения этнографии являются документы «Коллекции материалов по музейному строительству», отложившейся в отделе письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации (далее: ГИМ РФ ОПИ), которая содержит справку «О Восточном музее» [7] и отчет о его

деятельности за 1923-1926 гг. [8]. Интересным источником о деятельности Восточного музея является опубликованный отчет о посещении этого научного центра Владимира Александровича Гордлевского «Рукописи Восточного музея г. Ялты» [9], где приведена первая из опубликованных краткая биографическая справка об Я. М. Якуб-Кемале и охарактеризована часть исчезнувших впоследствии уникальных рукописных фондов музея.

После официального учреждения Восточного музея его первым заведующим являлся А. Хатипов. Сохранилась подготовленная им 19 октября 1922 г. рукописная справка «О Восточном музее», в которой в виде тезисов определялись его задачи – собирание и изучение предметов, касающихся истории и этнографии крымских татар. Приоритет отдавался письменным источникам и вещам эпохи Крымского ханства. Музей, по мнению заведующего, должен был сыграть ведущую роль в сохранении культуры Крыма. Восточный музей планировался как логическое продолжение Бахчисарайского музея, где была представлена только культура мусульман Крыма. Ялтинское собрание должно было стать последующим этапом в освещении материальной культуры народов Востока, проживающих за пределами Крыма [10]. В 1922 г. была создана первая экспозиция музея – «Татарская комната». Она давала представление о бытовом укладе крымскотатарской семьи южного берега. В экспозиции были представлены крымскотатарские чадры, посуда, одежда, ковры местного производства [11]. Активизация работы по собиранию коллекции и формированию новых выставок происходит при новом заведующем – Иосифе Александровиче Роджеро. Материалы поступали из фондов КрымОХРИСа (имущество дворцов и усадеб Южного берега Крыма, относящиеся к быту народов Востока) и благодаря проводимым сотрудниками музея экспедициям в татарские деревни в окрестностях Ялты, а также в районы побережья между Алуштой и Судакком. В ежегодных годовых отчетах о деятельности музея отмечалась подвижническая деятельность группы крымских татар, которые способствовали приобретению на местах предметов культуры и быта для пополнения крымскотатарского отдела. К сожалению, нигде не названы фамилии этих любителей этнографии. Из «Годового отчета Ялтинского Восточного музея за 1924/25 г.» стало известно, что музей располагает уже несколькими коллекциями, которые размещены по отделам соответствующей народности. Предметы сгруппированы по отдельным производствам и расположены в порядке времени своего происхождения и эволюционного развития (кроме этнографического крымскотатарского отдела). В связи с отсутствием витрин экспонаты были расположены на полках-горках, а ковры и ткани – на стенах [12].

Официально уже в 1921 г. в Восточном музее оформилось 5 отделов: узбекский (Бухарский), среднеазиатский, азербайджанский, персидский, арабский (куда включался и японско-китайский материал). Несмотря на то, что крымскотатарская этнографическая экспозиция в виде «Татарской комнаты» была открыта почти с самого начала функционирования музея, крымскотатарский отдел оформился и был официально заявлен в отчете только с 1925 года [13].

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К середине 1925 года в музее насчитывалось 1752 экспоната. (198 из них стали пополнением 1924 года, причем большая часть пополнения касалась крымскотатарской этнографии). Это были предметы, относящиеся к отдельным отраслям труда, отражающие характерные черты того или иного производства. В разделе «Научная работа» отмечалось, что в татарском отделе описано бытовое значение предметов. Сотрудники выезжали в татарские деревни для подыскания этнографического материала. Благодаря этой экспедиционной деятельности приобретен ткацкий станок, сундуки, женские металлические украшения. Одновременно велась работа по созданию каталога музея. Из 86 лекций прочитанных сотрудниками музея выделим «Художественная форма и быт мусульман», «Искусство мусульман, как продукт быта и социально-экономических условий жизни народа», «Быт крымских татар и их художественное творчество». (Информация о том кто разрабатывал лекции отсутствует) [14]. В качестве первоочередных задач для развития музея обозначалось оборудование залов витринами; написание названий экспонатов на втором языке (кроме русского – на крымскотатарском); установление научных связей с этнографическим отделом Русского музея, Государственным Эрмитажем и Музеем восточной культуры для пополнения фондов [15].

В «Отчете о деятельности Ялтинского Восточного музея за 1925-1926 операционный год» отмечалось, что кроме дальнейшего развития (пополнения) существующих шести отделов, ведется работа по организации седьмого отдела – художественного производства и художественной промышленности южнобережных татар и восьмого – революционного Востока. К 20 декабря 1926 г. в музее насчитывалось 2006 предметов (за последний год пополнение составило 450 единиц). Более других пополнены крымскотатарский и персидский отделы [16]. Существенным пополнением фондов музея стала передача сюда имущества бывшего Юсуповского дворца (охотничьего дома) в деревне Коккозы, выполненного в крымскотатарском стиле. Кроме этого музей приобрел предметы по этнографии южнобережных татар.

Имевшееся в музее в 1926 г. этнографическое собрание признавалось как одна из лучших коллекций, характеризующих быт и культуру крымских татар. Так, журнал «Этнография» в обзоре, посвященном советским этнографическим музеям выделил «Татарскую комнату» Восточного музея по уникальности собранных там экспонатов, характеризующих быт [17]. Заведующий отделом Советского Востока Центрального музея народоведения И. Н. Бороздин, посетивший Восточный музей в 1926 г. особо выделил его этнографические коллекции среди аналогичных музеев в СССР [18]. В этом же году Восточный музей посетил научный сотрудник Исторического музея в Москве А. Клейн, изучавший собрания древних тканей и вышивок, хранящихся в крымских музеях. В отчете, представленном в Музейный отдел Главнауки, А. Клейн отметил, что в основной своей части собрание Восточного музея «носит довольно случайный характер и не дает целостности впечатления» [19]. А. Клейн отметил уникальность собрания ковров ялтинского музея, которые были кавказского, турецкого и персидского производства.

В 1927 г., с приходом на должность директора музея Я. М. Якуб-Кемалья, происходит перепланировка экспозиции музея, в основу которой была положена история и этнография крымских татар. Новый директор видел задачи музея прежде всего в «сборе, изучении и показе материалов художественно-промышленного производства и искусства южнобережных татар, а также народов Востока, имевших в свое время то или иное влияние на искусство крымских татар» [20]. Разработанный устав музея декларировал, что научно-исследовательская деятельность Восточного музея должна ограничиться изучением этнографии и искусства татар Южного берега Крыма, а также научным описанием тех образцов искусства народов Востока, которыми музей обладает [21].

Якуб Меметович Якуб Кемаль родился в 1887 г. в деревне Улу-Сала Ялтинского уезда Таврической губернии. В литературе и архивных документах существуют противоречивые сведения по его биографии. Значительную путаницу в ее разработку внес А. В. Ефимов, который не имел опоры на достоверные источники. В публикациях профессора Билькентского университета (Анкара) Хакана Кырымлы приводятся совершенно нелепые сведения о том, что ученый будто бы закончил геологический факультет Стамбульского университета, а затем еще и Сирийском протестантском колледже [22]. Ошибка видимо произошла из-за сходства слов геология и теология. В Стамбуле в 1900 г. действительно был открыт университет, в составе которого был богословский (теологический) факультет [23], на котором он мог обучаться. В материалах следственного дела тюрколога указано, что он имеет высшее образование. Окончил медресе в Константинополе [24]. Я. М. Якуб Кемаль был знатоком арабского языка и мусульманского права.

Проведя в общей сложности 12 лет за границей с целью получения образования, он продолжил его в ведущем учебном заведении российских ориенталистов – специальных классах Лазаревского института восточных языков в Москве, где специализировался у А. Е. Крымского [25]. Обучения Якуба Меметовича в Москве было прервано с началом Первой мировой войны, когда он, как турецкоподанный, был выслан в Тамбов. С началом революционных событий Я. М. Якуб Кемаль вернулся в Крым, где в 1917-1920 гг. был казыаскером Крыма (главой мусульманского судопроизводства), а после гибели муфтия Крыма Челеби-Джихана занял его должность [26]. С 1917 г. являлся ректором воссозданного Зинджирлы-медресе.

Еще до прихода в Восточный музей Я. М. Якуб Кемаль заявил о себе в крымоведении статьей «Надпись на портале «Мечети Узбека» в гор. Старом Крыму» [27], четко обрисовав свои научные приоритеты. Ими стала история Крымского ханства, изучение археографических памятников этой эпохи. Статья посвящена характеристике надписи на портале мечети Узбека – одного из старейших из уцелевших памятников культуры крымских татар. Ряд имевшихся переводов данной надписи противоречил друг другу (О. А. Акчокраклы, А. Л. Бертъе-Делагард, А. Ф. Негри, В. Д. Смирнов). Причиной разночтений надписи, по мнению Я. М. Якуба Кемалья, заключались в том, что в арабском языке из-за недостатка гласных букв одну форму выражения легко принять за другую. Ученый предложил свою исправленную версию перевода надписи.

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Возглавив в начале 1927 года [28] Восточный музей, Я. М. Якуб Кемаль основное внимание уделил сбору полевых материалов по истории и культуре крымских татар, а также старинных рукописей на тюркском и арабском языках, ковров, оружия. По решению директора ввиду особого значения крымскотатарского отдела. К имеющейся бытовой экспозиции (Татарская комната) добавили новую – выставку художественной промышленности южнобережных татар, где было представлено производство войлока, ткацкое, ковровое производство, техника обработки льна, шерсти, ювелирных изделий [29].

Только в 1927 г. Восточным музеем было проведено 3 полевых экспедиции. В конце марта – в районе побережья между Алуштой и Судаком. Этнографы собирали утварь, ковровые изделия, элементы пришедшего в негодность сельскохозяйственного и ремесленного инвентаря в селах Куру-Узень, Кучук-Узень, Туак, Ускут. Отдельной задачей данной и последующих экспедиций являлась разъяснительная работа о необходимости передачи на хранение в музей имевшихся у населения старинных рукописей и книг, прежде всего духовных. Следующая этнографическая поездка состоялась в сентябре 1927 г. и охватила район от Ялты до Байдар: поселки Ореанда, Кореиз, Мисхор, Лимены, Кекенеиз. Она принесла меньше этнографического материала, чем экспедиция в Восточный Крым. Это было связано с тем, что район Южного берега (особенно Большой Ялты) еще с конца XIX века бурно развивался как курорт, что не способствовало сохранению всех элементов народной культуры. Уже в конце октября 1927 г. была повторена экспедиция в Восточную часть полуострова: от Алушты в сторону Судака. Научные сотрудники музея совместно со студентами факультета крымскотатарского языка и литературы Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе, которые таким образом проходили языковую практику, объехали села Туак, Ускут, Капсихор, Кутлак [30]. Во время экспедиций был собран большой фотографический материал, который составил отдельный фонд музея.

Несмотря на то, что в плане работы на 1927-1928 гг. намечалось издание «каталога музея с краткой популярной монографией о материальной культуре мусульман» [31], этот проект не был реализован. Научные сотрудники проводили большую работу по сбору библиографии о крымских татарах и мусульманах вообще. К сожалению, эти картотеки, как и остальной документальный материал, хранившийся в музее, были утрачены.

Кроме директоров источники называют лишь единичные имена сотрудников Восточного музея: Владимира Константиновича Яновского [32] и Валерия Юлиановича Березовского [33].

Посетивший в 1927 г. Восточный музей известный советский ориенталист В. А. Гордлевский, ознакомившись с коллекцией отметил, что основу этнографического собрания музея составляет материал, собранный в селах прибрежных между Алуштой и Судаком. Особо В. А. Гордлевский выделил рукописное собрание музея – 65 рукописей и почти такое же количество ярлыков, фирманов и юридических договоров, на которых сохранились печати медресе в Адрианополе, ханские печати. Я. М. Якуб Кемаль справедливо отмечал, что рукописи, собранные по деревням,

объективно показывают уровень образованности крымских мусульман в XVII – XIX веках. В. А. Гордлевский классифицировал их на три группы:

- рукописи на арабском языке;
- духовные сочинения на османском языке;
- документы по истории Крымского ханства: 10 ярлыков крымских ханов и фирманы турецких султанов, а также одна казыэскерская тетрадь [34].

Заведующий КрымОХРИСом А. И. Полканов отметил разнообразие материалов, характеризующих материальную и духовную культуру крымских татар: «Здесь собрано значительное количество ковров, восточного оружия и утвари <...> Музей интересен и имеет несомненное будущее. Он пользуется большой популярностью среди посетителей» [35].

В отдельной статье, подытоживая работу Восточного музея за 1927 год Я. М. Якуб Кемаль отметил, что несмотря на маленький штат сотрудников удалось развернуть этнографическую собирательскую работу, в основном, в Восточном Крыму, где вместе со сбором предметов быта и рукописей проводилась и запись фольклорного материала. Сотрудники музея привезли около ста книг, часть из которых была на крымскотатарском языке. Это, по мнению автора, пролиvalo свет на темные страницы пока еще малоразработанной истории крымскотатарской литературы. Самой ценной находкой была книга Баба Шатх бин Хавадиса 683 г., где приведен эпизод беседы Амир Тимура с Улугбеком [36].

В течение 1928 – начале 1929 г. Я. М. Якуб-Кемаль пытался наладить взаимодействие с другими научными центрами по изучению этнографии Крыма – Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и Евпаторийским краеведческим музеем. Об этом свидетельствует его переписка с У. А. Боданинским и Я. Г. Благодарным. Ялтинский краевед предлагает обмениваться экспонатами, которые в одних музеях есть в нескольких экземплярах, а в других – отсутствуют [37].

На самом подъеме плодотворная деятельность Восточного музея была вскоре свернута и полностью прекращена. Я. М. Якуб Кемаль уже в конце марта 1929 г. был уволен с работы. Ему ставили в вину, что «Он хотел там, хотя бы в музее, создать Крымское ханство и показать все его прошлое» [38]. Решение об увольнении выдающегося тюрколога было принято на заседании Ялтинской городской комиссии по чистке 20 марта 1929 г., где вспомнили, что директор Восточного музея имел в своем личном деле характеристику с пометкой «Политически неустойчивый». Мотивировкой увольнения стало то, что он был «членом крымского правительства Курултая, как чуждый элемент» [39].

Недолго просуществовал без своего наиболее активного руководителя и сам Восточный музей. По данным документов фонда Главнауки Наркомпроса, отложившимся в Государственном архиве Российской Федерации, 1 января 1930 г. Восточный музей был объединен с Ялтинским музеем краеведения (бывший музей Ялтинского горного клуба). Это объединение получило название Ялтинский объединенный музей краеведения [40]. Экспозицию перепрофилировали, отправив этнографическую часть экспонатов в запасники. В здании бывшего Восточного

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

музея развернули выставку археологии. Иную направленность уже в 1930 г. получила и экспедиционная деятельность объединенного музея. Главной ее целью было «фотографирование моментов колхозного строительства в селах Мума, Кучук-Ламбат, Биюк-Ламбат, Кизилка, Кизильташ, Карабах» [41]. Восточный музей был закрыт именно в то время, когда информация о его уникальных коллекциях стала известной европейской научной общественности [42].

Несмотря на снятие Я. М. Якуб Кемаль с должности директора Ялтинским объединенным музеем краеведения в 1930 г. было предпринято издание его книги «Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-ферадис» [43].

Показательно, что предисловие к изданию написал один из ведущих востоковедов СССР академик А. Н. Самойлович. Он отмечал, что уже давно связан общей работой и дружбой с культурными деятелями из среды крымских татар. Новые находки рукописей научными сотрудниками Восточного музея, по его мнению, является «новым, блестящим доказательством успешного развития научной работы, производимой самими крымскими татарами в разных частях крымской республики» [44]. Ленинградский ученый отметил значение обнаружения очередной копии данной рукописи для изучения культурного прошлого Джучиева улуса (Золотой Орды) и ее крымского юрта.

Я. М. Якуб Кемаль поддерживал тесные научные контакты с выдающимся украинским востоковедом А. Е. Крымским. При поддержке А. Е. Крымского на украинский язык была переведена фундаментальная монография ялтинского ориенталиста «Документальна історія цехів в Кримському ханстві». Исследование было написано на основе средневековых документов эпохи Крымского ханства, сохранившихся в турецких архивах. В книге были приведены тексты уставов крымских цехов. В 1931 г. по воспоминаниям академика А. Е. Крымского в передача О. Прицака уже подготовленная к набору книга была уничтожена в издательстве [45]. По данным Я. Р. Дашкевича тираж монографии уже был напечатан. Он был полностью уничтожен прямо в типографии. Не осталось ни одного экземпляра [46]. Я. М. Якуб Кемаль был среди немногих крымских ученых, приглашенных А. Е. Крымским для участия в известном сборнике «Студії з Криму», который вышел как отдельный том «Збірника історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук». Ялтинский ученый опубликовал там статью «Арабські, суфійські рукописи XIII ст. в Криму знайдені: Чи не в Криму написані» [47].

10 июля 1934 г. Я. М. Якуб Кемаль был арестован, а 28 декабря того же года Особым совещанием НКВД СССР был осужден по статье 58-6 Уголовного кодекса РСФСР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Он отбывал наказание в Прорвинском исправительно-трудовом лагере [48].

В феврале 1938 г. крымский ученый был вновь этапирован в распоряжение НКВД Крымской АССР, где постановлением от 10 апреля 1938 г. ему было предъявлено дополнительное обвинение по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. На допросе 30 мая 1938 г. он вынужден был дать показания о том, что в 1925 г. в Крыму возникла и в 1926 г. получила окончательное организационное оформление контрреволюционная панисламистская организация «Идель Урала», одним из

руководителей которой он и являлся. Задачами этой структуры якобы являлось создание единого мусульманского государства путем объединения всех тюркско-татарских народностей СССР, свержение в них Советской власти и установление буржуазно-националистического строя [49].

19 сентября 1938 г. дело по обвинению Я. М. Якуба Кемалья было прекращено в связи со смертью обвиняемого, наступившей 12 сентября 1938 г. «вследствие остановки сердечной деятельности» [50].

Таким образом, созданный в Ялте в 1921 году Восточный музей за 7 лет своего существования превратился в крупный центр по изучению крымскотатарской истории и этнографии. Важнейшую роль в изучении и популяризации этнографии этого этноса сыграли южнобережные экспедиции музея, в ходе которых собиралась коллекция и записывались фольклорные памятники. Однако формирование коллекции в связи со случайным подбором экспонатов не давало целостного впечатления о быте и культуре крымских татар.

Выдающуюся роль в развитии этнографических исследований, формировании фондов внесли руководившие Восточным музеем в различные годы А. Хатипов, И. А. Роджеро, Я. М. Якуб Кемаль. Научное наследие последнего, посвященное изучению письменных источников по истории Крымского ханства стало важным этапом для изучения истории крымских татар.

Репрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов, приведшие к свертыванию краеведческого движения в стране, привели к закрытию музея и ликвидации его фондов и архива.

Примечания

1. Урсу Д. П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918-1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 20-21.
2. Ефимов А. В. Новые материалы к биографии Якуба Кемалья Сейт-Мемет-Эфенди // Проблемы межнациональных отношений в XX столетии: Материалы республиканской научно-практической конф. – Симферополь, 1995. – С. 43-46.
3. Ефимов А. В. Новые материалы к биографии Якуба Кемалья Сейт-Мемет-Эфенди (1885-1935) // Проблемы политической истории Крыма. – Симферополь, 1996. – Вып. 1. – С. 45.
4. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941). – Симферополь, 1999. – С. 31-33.
5. Урсу Д. Якуб Кемаль Якуб Меметович // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): Библиографический словарь. – Симферополь, 1999. – С. 225-226.
6. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991) / Подг. Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. – СПб., 2003. – С. 441.
7. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 107.
8. Там же, л. 88-102.
9. Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР. – 1927. – № 10. – С. 219-224.
10. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 107.
11. Там же, л. 95 об.
12. Там же, л. 89.
13. Там же, л. 89 об.
14. Там же, л. 91-91 об.
15. Там же, л. 92.

**ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

16. Там же, л. 97, 100.
17. Д-н А. Этнографические музеи в Крыму // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 305.
18. Бороздин И. Изучение культур советского Востока // Новый Восток.– 1927.– № 19.– С. LI.
19. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 46.
20. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 31.
21. ГАРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 2, л. 4 об.
22. Къырымлы Х. Кърымтатарлар арасында миллий арекет ве миллий анълылык // Йылдыз.– 1993.– № 2.– С. 35.
23. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 123.
24. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 010714, т. 3, л. 185, 187, 194.
25. Непомнящий А. А. Страницы из истории изучения крымско-татарского народа в начале XX века // Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши: К 100-летию второй Минской мечети: Материалы VIII международной научно-практической конференции.– Новогрудок, 2003.– С. 108-109.
26. Урсу Д. П. Якуб Кемаль Якуб Меметович // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): Библиографический словарь.– Симферополь, 1999.– С. 225.
27. Якуб Кемаль [Я. М.] Надпись на мечети «Узбека» в Старом Крыму // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1927.– Т. 1.– С. 202-204.
28. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 97, 102.
29. Там же, л. 101.
30. Там же.
31. Там же.
32. ГАРК, ф. Р-663, оп. 2, д. 554, л. 136.
33. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 101.
34. Гордлевский В. Указ. соч.– С. 258-259.
35. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 130, л. 31.
36. [Нові знахідки Східного музею] // Ени дунья.– 1927.– 11 листопада.– Кримськотатарською мовою.
37. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 95.
38. Урсу Д. П. Трагедия крымской науки и культуры // Кримські татари: Історія і сучасність: До 50-річчя депортації кримськотатарського народу: Матеріали міжнародної наукової конференції.– Київ, 1995.– С. 181-182.
39. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 32.
40. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 15, д. 62, л. 22-23.
41. Там же, л. 29, 34.
42. Deny J. [Рецензія] // Journal Asiatique.– 1930.– № 2.– Р. 345.– Рец. на ст.: Гордлевский В. А. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219-224.
43. Якуб Кемаль Я. М. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-Ферадис» / Предисл. А. Н. Самойловича; Ялтинский объединенный краеведческий музей.– Симферополь, 1930.– 58 с.
44. Самойлович А. Н. [Предисловие] // Якуб Кемаль Я. М. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-Ферадис» / Ялтинский объединенный краеведческий музей.– Симферополь, 1930.– С. 3.
45. Прицак О. Агатангел Кримський // Київська старовина.– 1992.– № 1.– С. 19.
46. Дашкевич Я. Р. Тюркские источники об Украине XVI – XVIII вв.: Актуальные аспекты публикации // Советская тюркология.– 1990.– № 3.– С. 28.
47. Кемаль Я. Арабські, суфійські рукописи XIII ст. в Криму знайдені: чи не в Криму написані // Збірник історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук.– Київ, 1930.– № 89: Студії з Криму, I-IX.– С. 159-164.
48. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 010714, т. 4, л. 300, 306.
49. Там же, т. 5, л. 41, 42, 276.
50. Там же, л. 290.